

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЯЗЫКОЗНАНИИ

1

Диалектология — та отрасль языкознания, которая часто находится как бы в стороне от теоретических вопросов. Задачей ее является, по мнению многих, сохранение для истории языка форм и слов, подлежащих исчезновению по мере унификации национальных языков. Диалектологию обычно считают своего рода прикладной дисциплиной, сущность которой состоит в применении выработанных в традиционном языкознании научных понятий и методов к исследованию языковых фактов в их территориальном размещении. Однако прогресс каждой научной дисциплины выражается не только в вовлечении в сферу исследования новых фактов, но и, прежде всего, в теоретическом освещении фактического материала, т. е. в выяснении соответствующих закономерностей.

В этой связи необходимо уделить внимание тем основным понятиям, на которых зиждется здание традиционного компаративизма, и задаться вопросом, должна ли диалектология давать только научно-практическое применение этих понятий или она может дать отправные точки для пересмотра традиционных основных положений лингвистической методологии?

Теоретические понятия, установленные в языкознании в конце XIX в. и составляющие основу сравнительно-исторического метода, нашли выражение в сформулированных младограмматиками принципах, которые сейчас, казалось бы, стали уже достоянием истории, но без которых, как думают и откровенно признают некоторые диалектологи, диалектологическая работа была бы практически невозможна.

Характерной чертой учения младограмматиков был особый подход к фонетическому материалу языка, как образованному из отдельных кирпичиков-звуков, которые, с одной стороны, как будто подчиняются закономерностям физиологического типа, с другой же, отождествляются с осознаваемыми элементами структуры слов. Это было связано со статическим пониманием «звуковых представлений» (*Lautvorstellungen*) и явилось причиной многочисленных недоразумений.

Традиционная компаративистика выдвигала в интересующем нас плане следующие внутренние связанные между собою методологические положения, характерные в целом не только для определенного этапа в развитии языкознания, но и для целой эпохи в истории европейской научной мысли:

1. Статическая оценка исследуемых фактов в пределах понятия качества.
2. Подход в связи с этим к фонетическим элементам языка (звукам) как к элементам, подвергающимся качественным «подстановкам» (субституциям), которые вызывают изменения форм слов. О том, что процесс подстановок играет решающую роль во всех фонетических изменениях языка, упоминается даже и в новейших лингвистических работах.
3. Интерес к сменяющимся друг друга эпохам в истории языков в ущерб интересу к самим процессам эволюции языков, к диалектике этой эволюции. Наиболее выдающийся представитель классической компаративистики Мейе, который подчеркивал, что сущность каждого языкового факта состоит в определенном качестве (*«les faits de langue ont qualitatifs»*), понимал сравнительное языкознание как конфронтацию, т. е. сопоставление «языковых состояний, сменяющихся друг друга и отличных друг от друга» (*«des états de langue successifs et distincts»*).
4. Стремление искать закономерности развития языка в области факторов эндогенических, т. е. индивидуально-психических или индивидуально-физиологических (положений этого рода усиленно подчеркивал, в частности, выдвигая на первый план то один, то другой из упомянутых выше оттенков, почти во всех своих трудах Бодуэн де Куртэн; Мейе это было чуждо).

С комплексом перечисленных здесь понятий связан, разумеется, психологизм как направление, представители которого усматривали движущие силы развития языка в области индивидуальной психики, автономной по отношению к внешним стимулам. Характерно, что Ван Гиннекен, автор «Основ психологической лингвистики»¹, так далеко заходил в своем эндогенизме и качественно статическом подходе к «фонемам», что рассматривал фонемы как своего рода языковые «гены», передающиеся по наследству от одного поколения говорящих к другому. Психологизм не во всех странах укрепился в одинаковой степени: во Франции он был гораздо слабее, чем в странах Центральной Европы, между прочим в Польше. Но в первоисточнике сосюренизма — учении Дюркгейма — можно несомненно найти некоторые элементы психологизма (Дюркгейм, например, выводил некоторые основные понятия своей социологии из анализа памяти как психо-физиологического явления).

А. Белич во вступлении к своему труду «О природе языка и о языковом развитии»² пишет об исторической грамматике: «Нени се резултати морај у разумети само као грђа за општу граматiku, а не као упутство, како се развитак језика мора схватити уопште» («её результаты следует понимать лишь как материал для общей грамматики, а не как указание на то, как должно быть понимаемо развитие языка вообще»). Это замечание можно расширить, относя его в методологическом отношении ко всему наследию классической компаративистики: последнее несомненно представляет собою большую ценность, но постольку, поскольку нас интересует проблема эволюции языка, нам необходимо выйти за его пределы. В этом отношении, т. е. в связи с вопросом эволюции языка, больше теоретических стимулов мы найдем в диалектологии, которую неправильно считают как бы отраслью «прикладного» языкознания (о чем мы упоминали выше).

Из работ Гоша (Gauchat) — одного из тех диалектологов, которые видели всестороннюю связь диалектологии с вопросами общего языкознания, видно, насколько далек был Гоша от подхода к диалектологическим записям как к механической регистрации отдельных фактов. Каждый, кто записывал диалектологические тексты, знает, какая тесная связь существует между тем, что слышишь, и тем, что понимаешь, и осознаешь. Центральным вопросом диалектологии Гоша совершенно справедливо считал установление «участия индивида в развитии человеческой речи». При этом дело, разумеется, не в том, чтобы подчеркивать роль индивида, но, наоборот, в том, чтобы устанавливать зависимость речи каждого индивида от факторов социально-исторического порядка.

Проблему отношения языка индивида и языка среды можно считать одним из видоизменений проблемы отношения отдельного к общему. Сильная сторона диалектологии при анализе таких проблем заключается в том, что она дает возможность анализировать вопросы этого рода конкретно и непосредственно. Диалектолог не только обращен к прошлому и не только занят реконструкцией истории говоров, он сталкивается также с множеством теоретических вопросов, при разрешении которых имеет возможность опереться на эмпирические исследования. Это помогает ему уберечься от спекулятивности.

2

Определенный интерес представляют некоторые теоретические вопросы, над которыми работает языковедческий сектор Польской Академии наук в Варшаве.

Диалектологию можно определить как исследование речи индивидов, проводимое в массовом масштабе с учетом географических моментов. Вопрос об отношении речи индивида к речи общества для диалектолога является рабочей проблемой, требующей каждый раз практического решения. В основе решения любых проблем диалектологии всегда лежит представленный в виде записей материал, полученный от индивидов, говорящих на диалекте. Качество этого материала зависит от того, насколько удачным был подбор этих индивидов, насколько точной является сама запись.

В дальнейшем успех работы зависит от надлежащего истолкования записей. Интерпретировать должным образом речь индивида — это значит правильно отметить то, что в ней является типичным и показательным для данной среды и ее истории. Само собой разумеется, что речь каждого говорящего показательна не только для него самого. Любое исследование нуждается в таких информаторах, которые были бы типичны для языковой среды, являющейся в данный момент объектом исследования. При этом важно иметь в виду, что закономерности языкового развития можно наблюдать не только в области так называемой *langue* — продукта теоретических обобщений, но и в области так называемой *parole*, т. е. речи индивида. Законы, управляющие жизнью языка, действуют не в «межиндивидной» пустоте, но социально и исторически детерминируют языковой *habitus* говорящих индивидов. И к этой области можно отнести поэтические по форме и вместе с тем полные глубокого содержания слова Гете: «согласно вечным, железным, твердым законам должны мы все свершать круги своего

¹ J. Van Ginneken, *Principes de linguistique psychologique*, Paris, 1907.

² А. Белич, *О језичкој природи и језичком развитку*, Београд, 1941.

существования» («nach ewigen, eisernen, festen Gesetzen müssen wir alle unseres Daseins Kreise vollenden»).

Мысль о том, что закономерность проявлений индивидуальной жизни обусловлена социально, ясно высказана у Маркса: «Индивид есть общественное существо. Поэтому его проявление жизни (если бы оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими, выражения жизни) есть проявление и выражение общественной жизни»¹.

Если речь индивидов обуславливается общественными и историческими факторами (а это несомненно), то задачей анализа речи индивида должно быть понимание ее как отражения указанных факторов, выделение из единичных фактов того, что является общим. Чтобы познавать языковую действительность, существует только один способ. Этим способом является непосредственное общение с языковым материалом при помощи зрения (когда читаешь текст) или при помощи слуха (когда слышишь живую речь). Написанные тексты — не «мертвый» материал, каким иногда их считают; по существу это такой же живой материал, как и речь, лишь зафиксированный графически. Графически можно также фиксировать преходящие звучания слов на магнитофоне, и будущее несомненно за этим способом исследования фонетики. Но даже тогда, когда мы записываем живую речь со слуха, последующий ее анализ убеждает нас в том, какое богатство сведений о языке среды можно извлечь из материала, полученного от одного информатора. Факты живой речи индивидуума — подлинные микрокосмы, в которых отражается не только язык среды, но и его история с присущими ей эволюционными тенденциями. Это особенно отчетливо видно при исследовании фонетики, по стоит подвергнуть фонетические факты тщательному анализу, как обнаруживается их более общий смысл и они становятся иллюстрациями механизма изменений, происходивших в языке, и как таковые помогают нам понять диалектику развития языка.

Этот круг вопросов варшавские лингвисты исследуют уже давно. До войны соответствующим проблемам были посвящены, кроме моих работ², работы д-ра Фридриха, д-ра Тарнацкого, позднее — д-ра Токарского, а после войны — работы довольно многочисленной группы диалектологов, опубликованные до сих пор в отрывках³. Сейчас я ограничусь тем, что приведу в качестве примера материал, собранный мною во время экспедиции в августе 1955 г. в деревне Собекурск, расположенной в 30 км на юго-восток от Варшавы⁴.

3

Моей информатором в Собекурске была женщина 77 лет, уроженка и постоянная жительница упомянутой деревни (где родились также ее родители), научившаяся читать уже будучи взрослой; писать она не умеет. В произношении нашего информатора отдельные фонетические черты (из числа тех — этот факт достоин внимания, — которые считаются критериями, используемыми для отличия друг от друга польских говоров) представлены следующим образом.

Передний носовой гласный, соответствующий этимологическому ϵ , колеблется как в отношении характера носового резонанса, так и в отношении тембра. На 67 случаях употребления информатором слов, имевших этимологическое ϵ ⁵, мы отмечаем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, М. — Л., 1930, стр. 624.

² См., например, «Pour une représentation statistique des isoglosses», «Bull. de la Société de Linguistique de Paris», t. 36, fasc. 1, 1935.

³ См. «Ponadnik językowy», 1952, № 9.

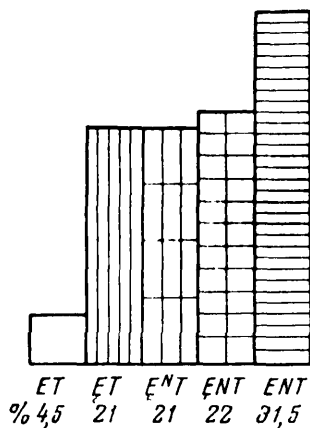
⁴ С теоретическими вопросами связаны вопросы техники. Для того чтобы характеристика речи информатора могла считаться обоснованной, мы должны располагать достаточно большим материалом фонетических записей. Собирая фонетический материал, носового говора, лучше всего, записывая все, что удастся услышать от информатора по мере его непринужденных бесед с окружающими. Но в записанном таким образом материале были бы неизбежны пробелы, а главное — его нельзя было бы систематически сравнивать с материалом, собранным в других пунктах. Чтобы сохранить характер обыкновенного разговора и вместе с тем иметь гарантию, что ни одна существенная деталь не ускользнет от нашего внимания, мы притормозили вопросы, имеющие внешние черты лексического и заключивший в себе около 1000 вопросов. Вопросы эти объединены в определенные тематические группы, но цель их — вызвать информатора на употребление слов, которые интересуют нас с точки зрения определенных особенностей их фонетики. К вопросу приложен фонетический индекс, благодаря которому мы можем наш разрозненный по разным тематическим группам материал расклассифицировать с фонетической точки зрения, и тогда в нашем распоряжении оказывается документация, позволяющая оперировать несколькими десятками примеров на каждый из интересующих нас фонетических фактов. Благодаря этому мы можем свести к одинаковым критериям фонетическую характеристику различных пунктов.

⁵ Слова могли повторяться, так как нас интересует звук как определенный комплекс артикуляционных движений, а не как осознаваемый звуковой элемент фонетического состава определенных слов.

наряду с произношением гласного с вокальным ринезмом случаи, где кроме резонанса, одновременного с вокальным резонансом, можно услышать элемент ринезма консонантного типа, иногда становящегося единственным носовым элементом, наступающим после гласного, лишённого ринезма. Иногда носовой резонанс вообще отсутствует, что может иметь место при различных уровнях артикуляции языка в полости рта, т. е. как при уровне, обычном для произношения гласного *e*, так и при несколько опущенном. Наблюдаются также случаи вторичного ринезма, не оправданного этимологически, как, например, в словах *węsele*, *węsoty*, *prowsło*¹.

В двух первых словах носовой характер гласного закрепился как один из признаков фонетического облика слова: информатор постоянно произносит эти слова именно так, осознавая при этом, что молодежь произносит их уже иначе. Ни в словах *węsele*, *węsoty* (артикуляционное колебание *e*:*a* является здесь случайным), ни в произношении *prowsło* вторичный ринезм не может быть объяснен влиянием какого-либо другого носового элемента в том же слове, так как таких элементов здесь нет. Аналогичный характер имеет вторичный ринезм в засвидетельствованной на другой территории форме *jężoro*.

Даже при такой интерпретации фактов из области ринезма звука *e* в речи исследуемого объекта «статически-качественный» характер фонем оказывается слишком подчеркнутым. Когда мы сравниваем произношения ЕТ (например, *ńedolega*), ЕТ (например, *prętko*), Е^пТ (например, *bęndo*), Е^пТ (например, *psygęnte*), Е^пТ (например, *dembom*), то нет сомнения, что здесь налицо не чередования «звуковых представлений» («*Lautvorstellungen*») Е:Е:Е^п:Е^пТ:Е^пТ:Е^пТ с функциональной точки зрения, т. е. с точки зрения отношения данных типов произношения к осознаваемому фонетическому типу слова, безразличны, нейтральны. На общее число 67 случаев произношения приходится 21 случай произношения типа ЕТ (мы не принимаем здесь во внимание качества гласного, т. е. степени высоты артикуляции языка, от которой зависит качество *e* или *ea*): *częte*, *mędlica*, *scąki*, *wógel* и т. п.; 14 случаев произношения типа Е^пТ — гласный с ринезмом, после которого слабо слышится элемент консонантного ринезма: *bęndo*, *tąpru* и т. д.; 14 случаев произношения типа Е^пТ с чисто консонантным ринезмом, хотя гласный сохраняет еще легкий носовой резонанс; *psygęnte*; 15 случаев произношения того типа, который свойствен и общелитературному языку, т. е. гласный лишен носового резонанса, а после него произносится обычный носовой согласный *beńże*, *gotemb'e* и т. п. В этом последнем типе произношения преобладающим качеством вокального гласного является *e*, лишь спорадически выступает произношение гласного более широкого, как в случае *gotqmb'e*, или более узкого *pińcoma*, *pińżesunt*. Произношение без ринезма было отмечено три раза: *ńedolega* (литер. *niedolęga*), *panietam* (литер. *pamiętam*), *sco-ka* (литер. *szczęka*).

Описываемые фонетические факты из области произношения переднего носового гласного в обследуемом пункте можно кратко представить в виде следующей пропорции:

ЕТ:ЕТ:Е^пТ:Е^пТ:Е^пТ:Е^пТ:3:21:14:14:15

В этой пропорции приведены числа абсолютные; переводя их на проценты, получим приведенную здесь таблицу.

Первая колонка слева представляет случаи исчезновения ринезма (ноль ринезма), вторая — синхронический (вокалический) ринезм, третья и четвертая — усиливающуюся консонантизацию ринезма при сохранении носового резонанса в произношении предшествующего гласного, пятая — случаи полной консонантизации ринезма при отсутствии ринезма в произношении гласного. Буква Е символизирует передний гласный, колеблющийся в пределах от *la* (пониженное *e*), через *e*, *é* (повышенное, узкое *e*) до *i*. Знаки *i* и *u* под буквой Е во второй, третьей и четвертой колонке обозначают ринезм сильный (Е) и постепенно слабеющий (Е, Е). Буква Т символизирует любой взрывной согласный независимо от места его артикуляции. Вертикальные штрихи относятся к вокалическому ринезму, горизонтальные — к консонантическому (их густота соответствует слабеющей и растущей силе одного и другого). Такого рода таблицами мы пользуемся при составлении фонетических карт.

Независимо от различий в фонетических оттенках гласного, слова, как мы уже упоминали, воспринимаются как тождественные и по фонетическому облику и тем

¹ Литературное *powrosto*.

более по значению. Различие между типами произношения отражает несогласованность движений опускания мягкого неба и артикуляции языка, т. е. различие в известном смысле количественное, а не качественное, так как несогласованность движений является нарушением определенной пропорции в соотношении артикуляционных элементов, а пропорция — понятие динамическое. Существенно то, что фонетические процессы нельзя сводить к статически понимаемым «звуковым представлениям»; такое статическое, исключительно качественное понимание «фонем» является наследием не везде еще изжитого психологизма. Отсутствие строгой, стабилизированной согласованности движений органов речи, производящих звуки, и простекающая отсюда неустойчивость артикуляционных элементов слов — это стихийный аспект фонетических процессов. На фоне этой стихийности некоторые артикуляционные элементы подвергаются постепенной функциональной специализации. Движения органов речи определяются индивидуально-физиологическими факторами, функции же звуков речи относятся к фактам общественным, поэтому и функциональная специализация звуков и их вариантов есть одно из проявлений постепенно возрастающей в языке силы действия факторов социального характера. В индивидуальной диалектной речи встречаются очень часто чередования звуков чисто фонетического характера, т. е. безразличные в функциональном отношении, несмотря на то, что те же звуки в определенных словах и формах могут иметь диакритические функции. Так, например, чередование ЕТ : ENT, имеющее, как мы выше констатировали, функционально безразличный характер, в принципе относится в польском языке к числу диакритических: именно в этом отношении отличаются друг от друга польские слова *krety* «кроты» и *kęty* «извилистый», *rety!* междометие и *renty* «ренты» и т. п. Диакритический критерий в выделении фонем имеет характер относительный. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволяет нам сделать также некоторые другие заключения общего характера.

Если мы зададим себе вопрос, господствует ли в данном говоре синхронический или асинхронический, вокальный или консонантный тип ринезма перед взрывными согласными, мы сможем ответить на него только следующим образом: в речи информатора, являющегося типичным представителем говора данной деревни, мы наблюдали оба типа ринезма. Основываясь на том, что в говоре данной деревни в настоящее время имеются случаи синхронического ринезма, можно было бы утверждать, что именно этот тип ринезма составляет отличительный признак фонетической системы, исторически характерной для данного говора, и считать, что вопрос с исторической точки зрения, таким образом, исчерпан. Но имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет идти и дальше.

Факты, о которых идет речь, нельзя осмыслить, ограничивая лингвистический анализ понятием качества. Без введения понятия количества, как критерия различия, невозможно отдать себе отчет в том, какие процессы происходили в истории языка, и адекватно описать то, что оказывается в нашем поле зрения, когда мы говорим об определенном этапе в истории языка и пытаемся дать статический «профиль» фактов, характерных для этого этапа. «Только движение действительно» («Nur die Bewegung ist wirklich»), — писал в свое время Шухардт, а то, что «только покой воспринимлемо» («Nur die Ruhe ist wahrnehmbar») — этим оканчивается цитируемое предположение, это факт, с которым мы должны считаться как с препятствием на пути к пониманию языковой действительности, как с трудностью, которую надо преодолеть и которую, разумеется, нельзя превращать в теоретическую основу исследования. Тем не менее, что «языковые факты качественно своеобразны», облегчает технику работы компаративисту, но не позволяет нам видеть ту полную картину языковой действительности, которую способно обнаружить непредвзятое, непосредственное диалектологическое наблюдение.

Факты, приведенные нами, отнюдь не оказываются чем-то исключительно: они представляют собой нормальное явление, отмечаемое различными диалектологами, и отражают типичное для диалектного произношения отсутствие строгой согласованности артикуляционных движений органов речи. Общее направление исторического развития языка идет, как нам представляется, от состояния функционально безразличных фонетических колебаний, являющихся следствием недостаточной дифференциации функций органов речи, к относительной стабилизации фонетического облика слов и их звуковых компонентов. Это направление, как я уже упоминал, свидетельствует о постепенном нарастании в истории языка преобладания объективно общественных факторов над индивидуально-идиосинкрасическими.

4

Как видно уже из приведенных фрагментарных замечаний, детальный анализ фонетического материала, который удается получить от одного информатора, ни в коем случае не сводится к лишенной сравнительной перспективности регистрации мелких фактов. Основательный анализ материала, относящегося к отдельным фонетическим вопросам, может привести к более многосторонним выводам, чем поверхностная классификация всего обилия фактов со стремлением к их общей нормализации. Для сравнительной характеристики фонетики говоров обследуемых пунктов следует пользоваться мате-

риалом, собранным одинаковым методом от типичных представителей каждого говора, и подвергать этот материал возможно более точному, не только качественному, но и количественному анализу. Поступая таким образом, мы получаем возможность не только констатировать «языковые состояния» (*états de langue*), но и обнаруживать эволюционные тенденции и механизмы действия тех сил, которые являются факторами эволюции в различных областях языка.

В речи индивида могут сосуществовать параллельно черты, в принципе характеризующие разные языковые системы. К таким чертам относятся, например, существование носовых гласных в польском языке — и отсутствие их в русском, редукция безударных гласных в русском языке — и отсутствие этой редукции в польском. Такова «качественная» формулировка фактов и «качественная» характеристика языковых систем. Зародышевые проявления как исчезновения ринезма, так и редукции безударных гласных и слияния в одном звуке гласного, являющегося результатом понижения переднего носового гласного, с редуцированным *a*, наконец, явление спорадической лабиализации носового гласного или гласного, соседнего с носовым согласным (произношение *klusukiet* — литер. *klusukiēt* «ключиком»), — все это мы обнаруживаем в речи одного лица. Здесь мы можем найти в микроскопических размерах, в колеблющихся чередованиях точки пересечения путей, которые исторически вели к социально стабилизированным нормам различий между славянскими языками.

Ограничиваясь этими фрагментарными примерами и замечаниями, мы сознаем, что многие вопросы еще остаются не решенными. Если принять во внимание соотношение случаев произношения носового гласного как такового и произношения носового с более или менее четким консонантным носовым элементом, выраженное приведенной выше пропорцией (см. таблицу), то мы легко определим произношение типа Т как черту, исчезающую в фонетике данного говора, произношение же типа ENT — как распространенное и имеющее все шансы стать единственным — хотя бы потому, что оно совпадает с общелитературным произношением. Но является ли произношение типа ENT у нашего информатора только результатом влияния литературного произношения? Информатор в городе не бывает и сталкивается с литературным произношением лишь тогда, когда слышит речь молодежи, находящейся под влиянием школы. Да и вообще, если мы примем, что вокальный ринезм был исходным пунктом наступившей впоследствии эволюции носовых гласных в польском языке, то чем объяснить, что общей нормой стал ринезм асинхронический?

Из признания того, что язык по самому своему существу — явление общественное, никак не следует, что лингвист не должен стремиться как можно точнее анализировать языковые процессы физиологического характера, глубже познавать сложный механизм деятельности высших центров нервной системы человека, т. е. деятельности мозга. Если мы стремимся к углублению знаний обо всем, что в отдельном человеческом организме служит общественно-коммуникативным действиям, то это не является, разумеется, возвращением к психологизму. Искать поиски путей к открытию психологических законов, которые бы априорно обуславливали функционирование сознания каждого индивида, взятого само по себе, качественно, принципиально отличаются от поисков законов динамического уравнивания организма каждого индивида с непрерывно действующим на него миром внешних влияний. Этот круг вопросов не может быть чужд языкознанию, а в особенности той его отрасли, которая непосредственно, в конкретной, повседневной работе сталкивается со всевозможными вопросами, касающимися соотношения эндогенических и экзогенических факторов в языке, т. е. диалектологии.

В. Дорощевский

СЛЕДЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, принято считать, что одной из наиболее характерных черт монгольских (и вообще алтайских) языков является отсутствие в них категории грамматического рода. Правда, следы его в этих языках пытались найти многие исследователи. Так, например, Б. Я. Владимирцов в своей заметке «Следы грамматического рода в монгольском языке»¹ сделал сообщение о том, что монгольские словообразовательные суффиксы *-эчин*, *-джин*, *-зан* и *-гуй* представляют собою следы бывшего выражения грамматической категории женского рода: *алаг* «пестрый» — *алагчин* «пеструха» (о корове), *гунан* «самец трех лет» — *гунаджин* «самка трех лет», *ноян* «князь, господин» — *ноязан* «молодая девица, барышня», *худа* «сват» — *худагуй* «сватья». К этим же наблюдениям Б. Я. Владимирцов добавил также использование в словообразовательных целях гармонии гласных: *ага* «старший брат, старший» — *еке* «матушка, старшая». Уже после смерти Владимирцова некоторые случаи различия имен, обозначающих в монгольском языке живые существа мужского и женского рода, отметил П. Целлио,

¹ См. «Доклады Росс. Акад. наук», Л., 1925, стр. 31—34.